

В.Л. Успенский

**ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVII в.
(по новым документам на монгольском языке)**

Отечественный китаевед П.Е. Скачков считал, что «с полной достоверностью можно говорить о знакомстве китайского народа с русским и с названием нашей страны еще в XIV в.»¹. Можно вполне обоснованно предположить, что это знакомство состоялось даже раньше, так как в XIII в. и Киевская Русь, и Китай (точнее, все государства, существовавшие тогда на его территории), были завоеваны монголами и вошли в состав Монгольской империи.

Китайские источники сообщают: «При Минской династии [1368–1643 гг. – В.У.] Россия, будучи преграждена Великой степью, не имела сообщения с Китаем»². После монгольских завоеваний прошли века, Золотая Орда распалась, и централизованное, усилившееся Русское государство само двинулось на восток. В XVII в. произошла новая встреча с монголами, от которых русские землепроходцы получили первые надежные сведения о Китае и ведущих туда дорогах. Однако пройти до Китая по суше было непросто: XVII в. – время ожесточенной борьбы за господство на Дальнем Востоке и в Центральной Азии между Китаем, усиливающимися маньчжурами и различными группами монголов. В итоге этой длительной борьбы маньчжурская династия Цин установила свое господство над Китаем и Монголией. Почти одновременно Россия вышла к берегам Тихого океана и утвердилась на Дальнем Востоке.

Граница между Россией и Цин проходила через Монголию, поэтому монгольский язык был необходим для осуществления приграничных контактов, а также русско-китайских связей в XVII–XIX вв. Кроме того, до середины XIX в. почти все русские посольства и духовные миссии (по китайским представлениям, они являлись «данническими») ездили в Пекин через Монголию.

В «Землеописании Китайской империи» о России говорится: «От Пекина считается (до Петербурга) более 20 000 [ли]. С данью в столицу приезжают через Кяхту, Халху и Калган»³ (Калган – пограничная застава в Великой Китайской стене). Этим установленным китайским правительством путем ехали русские миссии в Пекин. Путешествие по территории Монголии занимало более двух месяцев. Поездки осуществлялись через Ургу (современный Улан-Батор), и ургинские наместники поддерживали непосредственные контакты с русскими властями. Это обстоятельство не

в последнюю очередь способствовало возрастанию роли Урги, ее превращению в столичный город.

Языковая политика маньчжурских правителей была активной. Сами маньчжуры заимствовали алфавит у монголов в начале XVII в., они также успешно освоили китайский язык, который вскоре стал для них родным. Маньчжурский язык широко использовался в деловой и официальной переписке, в том числе для переписки с комендантами пограничных крепостей (острогов), иркутским генерал-губернатором, кяхтинским градоначальником и другими русскими должностными лицами. Поэтому документы на маньчжурском и монгольском языках имеют важное значение для изучения истории русско-китайских отношений. Даже титул «богдыхан», который на протяжении веков являлся в русском языке стандартным титулом китайского императора, является монгольским словом (*монг. boγda qaγγan* «высочайший правитель»).

В XVII в. русско-китайские переговоры осложнились тем обстоятельством, что в России не было людей, владевших китайским или маньчжурским языками – государственными языками империи Цин. Переговоры (например, миссии Ф.И. Байкова, речь о которой пойдет ниже) велись при посредстве монгольского языка. В 1668 г. по распоряжению тобольского воеводы П.И. Годунова (умер в 1670 г.) была предпринята попытка организовать в Тобольске школу переводчиков с монгольского языка, который достаточно широко употреблялся в официальном делопроизводстве и был необходим для контактов с соседними монгольскими народами⁴.

Ценное собрание документов на монгольском языке, относящееся к раннему периоду истории династии Цин (1636–1670 гг.), было недавно опубликовано Университетом Внутренней Монголии в Хух-Хото⁵. Эти документы касаются главным образом Монголии и Тибета. Но среди них имеются два императорских указа, непосредственно связанных с прибытием в Пекин первых официальных русских миссий.

Рассмотрим оба эти документа.

Документ 1.

Транслитерация монгольского текста:

Oros ulus-un qaγan qaγan-dur baγulγaysan bičig:
Daičing ulus-un quvangdi-yin jarlay: Oros ulus-un čaγan qaγan-dur baγulγaba:
Činu ulus barayun qoyitu eteged-tür ɣajar qola büged: iɣayur-ača Dumdadu ulus-tür kürčü yabuysan ügei bügetele: edüge či sayin aldari sonusayad: ünən sedkil-iyer ɣajar-tur aqu ed-iyen kürgegül-ün kümün ilegegsen-ü tulada bi masi sayisiyaba: Minu qola-dakin-i ulemji örösiyekü sedkil-i iledden: čimadur tuslaju yosulan öglige öggüged: iregsen elči-dür tusiyalyan ögču ilegebe: Egüni kündülen küliyejü abuyad: yerü egüride čing ünən ey-e-yi tegüsken: üy-e-yin [p. 181] üy-e-dür kürtele čiqula kesig-i küliy-e: Tuslaju baγulγaba:

Перевод:

Послание русскому белому царю.

Повеление императора государства Дай Цин. Дано Белому царю Русского государства.

Хотя твое государство находится далеко на северо-западе и изначально не имело связи со Средним государством, ныне ты, услышав о славе [нашего государства], с искренними помыслами прислал [своих] людей и поднес [в виде дани] продукты своей земли. Я это весьма одобряю. Проявляя свое огромное милосердие в отношении дальних [народов], я тебя приветствую и даю подарки, и посылаю приказ через [твоего] прибывшего посла. Приняв его с почтением, навеки исполнись духом искренности и получай нашу милость из поколения в поколение.

Издан указ во 2-й день среднего летнего месяца [5 июня 1655 г. по Григорианскому календарю, 26 мая 1655 г. по Юлианскому календарю]⁶.

Документ этот появился при следующих обстоятельствах.

В 1654 г. из Тобольска в Пекин выехало большое русское посольство во главе с дворянином Ф.И. Байковым (1612? – 1663 или 1664). Оно было направлено царем Алексеем Михайловичем с целью установления официальных отношений с новой династией Цин⁷.

Чтобы известить китайские власти о скором его прибытии, был выслан вперед «казенный караван» во главе с тобольским татарским головою Петром Ярыжкиным (Ярышкиным). Подробностей о почти годичном пребывании Ярыжкина и его спутников в Пекине не сохранилось. Из китайских же источников известно, что Ярыжкин совершил обряд «коуту», то есть совершил три коленопреклонения с девятью земными поклонами. Поэтому русским представителям была разрешена торговля в Пекине, выдано вознаграждение и передан заготовленный по этому случаю императорский «указ» русскому царю⁸.

Это императорское «повеление» является трафаретным документом, иллюстрирующим основные положения традиционной китайской политической доктрины, и не касается конкретных вопросов русско-китайских отношений.

Провозглашенная в 1636 г. династия Дай Цин в 1644 г. установила свою власть в Китае. Процесс укрепления и консолидации новой империи потребовал немало времени и усилий. В 1653 г. Пекин посетил Далай-лама V, принятый с почестями. Согласно китайским представлениям о мироустройстве, «приезд издалека был откликом на распространение благого влияния императора на весь мир и доказательством тем большей силы его, чем дальше находилась земля приехавшего». Поэтому при дворе «людям издалека» был уготован радушный прием⁹.

Как следует из текста «повеления», приезд русского посольства был воспринят схожим образом. В нем нет даже намека на равенство сторон, и это становится очевидным из самого небольшого филологического ана-

лиза текста «повеления». Оно не просто дано, а спущено сверху вниз (*монг. bayulγaba*). Император не просто «приветствует и дает подарки» русскому царю, а «приветствуя и помогая, дает подаяние» (*монг. tuslayu yosulan öglige öggüged*). В русском переводе мы не отразили эти оттенки, поскольку тогда документ стал был восприниматься русскоязычным читателем как написанный в высокомерно-уничижительном тоне. Однако это не так: универсальный властитель, которым являлся император в китайской традиции, только так и мог разговаривать с правителями отдаленных стран.

К этому документу применима оценка А.С. Мартыновым «повеления» хошутскому Гуши-хану, данного императором Шуньчжи за два года до прибытия Ярыжкина: «Это типичный документ установления отношений без установления отношений, ибо они устанавливаются между универсальным монархом и локальным правителем, отношений ритуальных, не определяемых ни значением, ни положением “внешней земли”»¹⁰.

Китайский вариант документа сохранился в «Шилу» («Правдивые записи») императора Шуньчжи (Шицзу) и был переведен на русский язык¹¹. В целом, этот перевод совпадает с выполненным нами переводом с монгольского. В русском переводе этого документа с китайского языка император говорит о себе «мы». Однако везде в монгольском тексте говорится «я» (*монг. bi*), что и отражено в нашем переводе. Во втором документе император говорит о себе «мы» (*монг. bide*), что также отражено в переводе.

Документ 2.

Транслитерация монгольского текста:

Looča-dur ilegegsen:

Quvangdi-yin jarlay: Oros-un ulus-un čayan qaγan-dur bayulγaba:
Činu üge kemen: Nirčuu-dur sayuγsan Danila-yin ayiladqaysan anu: qoyar ulus qarilčaban sayin boluγad: öggülčün abulčün: elči qudaltu uruγsi qoyisi sayad ügei yabuγul-un egüride nayiraldun asuγai: Dayisun bolbasu nigen nigen-degen küčün nemesügei: Basa gantemür-un tula: danila bi: čayan qaγan-dur ayiladqaba: Čayan qaγan-u üg kemeku üge-yi sonusuγsan-u qoyin-a: udal ügei daru ilegemüi: Yaysa-dur sayuγsan Miki-far tan: Jučaru: Daqur tan-i qalid-un ayulγalaysan-u tulada: terigülegsen arban kümün-i bariju mön kü ayiladqaba: Qaγan-u üge-yi küliyemüi kemejüki: Egün-ü urida man-u bulayčün-u terigün: Qara mören-ü jüg-tür Looča kemekü ulus-un öčügüken qulayai-či: biden-ü bulay-a görülegegči Jučari Dahuri tan-i qalidumui: basa biden-ü Gantemür bosču oduγad Looča-dur tūsiju amui kemen ayiladuγsan-dur: yerü čerig ilegeju: tübsidkesügei kemegsen bülüge: Basa sonusbasu: Looča kemegči anu: čayan qaγan-dur qariya-tu kememü kemen sonusuγsan-u qoyin-a: kümün ilegeju ünün qudal-i labtalaju ir-e kemen ilegegsen-dur Nirčuu-yin terigün Danila Ingnati-yin jerge-yin arban kümün-i elči ilegejü: činu üge kemen bičig ayiladqar-a iregsen-ü qoyin-a: sayi: mayad-iyar činu qariy-a-tu-yi todorqay-a medebe: Činu elči ijaγur-aca mön kü yabun bülüge: Edüge bolbaču: činu ayiladuγsan üge-ber egüride sayin bol-un asuγai kemebesü: bosoγsan Gantemür-i qoyisi qariγulju:

egün-eçe qoyınaysı jaq-a-yin ɣajar-a samayun yabudal-i bu egüske: Egüber bolbasu: sayin boluyad: amuyulang-iyar aqu bolai: Egün-ü tula tuslaju bayulba: Engke amuyulang-un yisüdüger on: jun-u dumdadu sar-a-yin sin-e-yin yisün-e: Bayisintai bicibe.

Перевод:

Отправлено лочам.

Повеление императора Белому царю Русского государства.

Находящийся в Нерчинске Данила доложил [нам следующее], говоря, что это твое слово. «Пусть отношения между двумя странами будут хорошими, а послов и торговцев, покупающих и продающих, беспрепятственно в обе стороны будем направлять и всегда будем дружить. Если объявится враг, то поможем друг другу [военной] силой. Что же касается Гантимура, то я, Данила, доложил Белому царю. После того, как услышу слово Белого царя “Выдать!” – сразу же [его] пришлю».

Он же доложил [нам], что находящийся в Албазине Микифор напал на чжучаров и дауров и, чтобы [их] удержать, захватил десятерых [их] предводителей. Сказал, что ожидает царского слова.

Ранее начальник наших собольщиков доложил, что в районе реки Амур мелкие разбойники из народа, называемого «лочами», напали на наших охотников на соболя чжучаров и дауров. Также и наш [подданный] Гантемур, бежав, нашел прибежище у лочей. На это мы сказали: «Вообще пошлем [туда] войско и установим мир [и порядок]!» Когда же мы еще слышали, что эти «лочи» есть подданные Белого царя, то мы отправили [туда] людей, сказав [им]: «Выясните, что [здесь] правда, а что – ложь!» [В ответ] на [это] посольство начальник Нерчинска Данила отправил посольство из десяти человек [в составе] Игнатия и прочих. После того, как [он] представил нам [официальную] бумагу, сказав, что это твое [царское] слово, мы сразу доподлинно узнали, что действительно [лочи] являются твоими подданными. Таким же изначально был и твой посол. Хотя теперь [дела обстоят подобным образом], если [поступать] по твоему слову: «Пусть всегда будет хорошо», – то возврати обратно беглого Гантимура и впредь не устраивай смуту в пограничных землях! Тогда станет хорошо и жить будем мирно.

Ради этого издали [указ].

В 9-й день среднего летнего месяца 9-го года правления под девизом Канси [25 июня 1670 г. по Григорианскому календарю, 15 июня 1670 г. по Юлианскому календарю]¹².

В 1670 г. Нерчинский воевода Данила Данилович Аршинский (в тексте – «Данила») по собственной инициативе направил в Пекин посольство во главе с сыном боярским Игнатием Михайловым Миловановым (в тексте – «Игнатий»). Перед посольством была поставлена задача ни много ни

мало убедить императора стать подданным русского царя. Однако маньчжурские сановники доложили императору, что русские послы сами привезли «грамоту о подчинении». Милованову был оказан прекрасный прием, он и его спутники были даже удостоены императорской аудиенции, причем от них не требовали совершения коутоу¹³.

Император Канси не собирался переходить в русское подданство. Его и маньчжурских сановников волновали прежде всего два вопроса: переход эвенкийского князя Гантимура в русское подданство, и дальнейшее укрепление русских в Приамурье.

Князь Гантимур начал платить ясак московскому царю в 1651 г., однако через некоторое время он со своими подданными был переселен вглубь Маньчжурии. В 1667 г., не желая участвовать в военной кампании против русских, он со всеми своими подданными и родственниками перешел на сторону России. Опасаясь претензий Гантимура на свои владения в районе реки Нонни (Нэньцзян), маньчжурские власти неоднократно требовали от сибирских воевод его выдачи¹⁴. Однако ни Гантимур, ни его родственники не были выданы маньчжурам. Окончательно об отказе рассматривать вопрос о его выдаче было заявлено цинским представителям уже после его смерти в 1686 г. Формальным основанием для этого был объявлен тот факт, что Гантимур и его родственники приняли православие, и «отдать их, яко единоверных, со стороны царского величества невозможно»¹⁵.

С 1660-х гг. главным русским форпостом в Приамурье стал острог Албазин. Предводитель албазинских казаков Никифор Романович Черниговский (в тексте – «Микифор») вел себя в значительной степени независимо по отношению к Нерчинскому воеводе Аршинскому¹⁶. Поэтому маньчжуры принялись выяснять, является ли он подданным русского царя или нет.

Любопытно появление в документе термина «лоча», который с этого времени стал использоваться в документах на маньчжурском языке в значении «русский». Это слово восходит к санскритскому «ракшас» («демон»). Через буддийские тексты оно попало в китайский язык в транскрипции «ло ча», а из него – в маньчжурский.

Содержание документа было давно известно из «списка», русского перевода, выполненного в XVII в. Приведем его текст.

Список с богдойского листу.

От богдойского царя послан лист великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу.

По твоему великого государя указу присланы были ко мне из Нерчинсково острогу от Данила Аршинского послы нерчинские служивые люди Игнатей Милованов с товарыщи, чтобы нам с тобою, великим го-

сударем, посольство сводить, и с торгами к вам и к нам ездили безо всякие помешки безпрестанно. А надежно, буде с коих земель сторонних под нерчинские остроги и к нам каких воинских людей, и нам друг другу помогать. А для ради де Гантемира Данило Аршинский к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, писал в отписке.

Да были мои промышленные люди на Шилке-реке для соболиново промыслу, а приехав те мои промышленные люди сказали мне: по Шилке де реке в Олбазинском живут русские небольшие люди Микифорко Черниговской с служилыми людьми, и воюют де наших украинских людей даур и чючар. И я, богдан, хотел послать на русских людей войною. И мне сказали, что живут твои великого государя люди. И я воевать не велел. И послал я своих людей провеживать: впрямь ли в Нерчинском остроге живут твои великого государя люди? И воевода из Нерчинского острогу по твоему великого государя указу Данило Аршинский присылал ко мне послов и письмо, и я ныне узнал, что впрямь в Нерчинском остроге воевода и служилые люди живут по твоему великого государя указу. И впредь бы наших украинских земель людей не воевали и худа б никакого не чинили. А что на этом слове положено, станем жить в миру и в радости.

И для того я, богдан, к тебе, великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белья России самодержцу, послал лист¹⁷.

Академик В.С. Мясников полагал, что «вопрос о достоверности текста этого документа стоит особо. Мы не располагаем его оригиналом на маньчжурском и китайском языках. Что здесь нужно отнести на счет дипломатических формулировок, выработанных в Пекине, что на счет нерчинских переводчиков, а что лежит на совести Д.Д. Аршинского, руководившего ими, – эта задача разрешима лишь в случае обнаружения в архивах КНР или на Тайване отпуски этого “листа” Сюань Е [Император Канси. – В. У.]¹⁸. Наличие официального монгольского текста позволяет легко обнаружить редакторскую работу русских переводчиков. Добавлен, прежде всего, почтительный титул русского царя. Любопытный эквивалент употреблен вместо уничижительного названия «лоча»: «русские небольшие люди». О Гантимуре упоминается лишь вскользь, а требование о его выдаче убрано из текста документа. Из текста оригинала видно некоторое недоверие русскому посланнику, который свои слова выдает за царские. В «списке» же прямо сказано: «по твоему великого государя указу». Но в целом «список» адекватно передает смысл императорского указа.

Таким образом, опубликованные в КНР документы на монгольском языке являются ценными источниками не только по истории Монголии и Китая. Они помогают лучше представлять развитие русско-китайских отношений и те проблемы, с которыми Россия и Китай сталкивались на ранних этапах.

Примечания

¹ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 14.

Skachkov P.E. Ocherki istorii russkogo kitayevedeniya. Moscow, 1977. P. 14.

² Бичурин Н.Я. (*Иакинф*). Собрание сведений по исторической географии Восточной и Средней Азии. Чебоксары, 1960. С. 609.

Bichurin N.Ya. (Iakinf). Sobraniye svedeny po istoricheskoy geografii Vostochnoi i Sredinnoi Azii. Cheboksary, 1960. P. 609.

³ Там же. С. 608.

Op. cit. P. 608.

⁴ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 20–22.

Skachkov P.E. Op. cit. P. 20–22.

⁵ *Čing ulus-un dotoyadu narin bičig-un yamun-u mongyol dangse ebkimel-un emkidkel = Цин нэй мишу юань мэngu вэнь данъань хуйбянь* (Собрание документов на монгольском языке из дворцового архива династии Цин). В 7 т. Хух-Хото, 2004.

Collection of Mongolian Documents from the Qing Dynasty Palace Archives. In 7 vols. Hohhot, 2004.

⁶ Собрание документов на монгольском языке из дворцового архива династии Цин. Т. 4. С. 180–181.

Collection of Mongolian Documents from the Qing Dynasty Palace Archives. Vol. 4. P. 180–181.

⁷ Скачков П.Е. Указ. соч. С. 19–21.

Skachkov P.E. Op. cit. P. 19–21.

⁸ Мясников В.С. Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск, 1987. С. 105–112.

Myasnikov V.S. Imperiya Tsin i Russkoye gosudarstvo v XVII v. Khabarovsk, 1987. P. 105–112.

⁹ Мартынов А.С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М., 1978. С. 110.

Martynov A.S. Status Tibeta v XVII–XVIII vekakh v traditsionnoy kitaiskoy sisteme politicheskikh predstavleny. Moscow, 1978. P. 110.

¹⁰ Мартынов А.С. Указ. соч. С. 117.

Martynov A.S. Op. cit. P. 117.

¹¹ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683. М., 1969. С. 553.

Russko-kitaiskiye otnosheniya v XVII veke: Materialy i dokumenty. Vol. 1. 1608–1683. Moscow, 1969. P. 553.

¹² Собрание документов на монгольском языке из дворцового архива династии Цин. Т. 7. С. 296–299.

Collection of Mongolian Documents from the Qing Dynasty Palace Archives. Vol. 7. P. 296–299.

¹³ Мясников В.С. Указ. соч. С. 173–180.

Myasnikov V.S. Op. cit. P. 173–180.

¹⁴ Беспрозванных Е.П. Приамурье в системе русско-китайских отношений, XVII – середина XIX в. Хабаровск, 1986. С. 50–51.

Besprozvannykh E.P. Priamurye v sisteme russko-kitaiskikh otnosheny, XVII – seredina XIX v. Khabarovsk, 1986. P. 50–51.

¹⁵ Мясников В.С. Указ. соч. С. 333.

Myasnikov V.S. Op. cit. P. 333.

¹⁶ Беспрозванных Е.П. Указ. соч. С. 47–48.

Besprozvannykh E.P. Op. cit. P. 47–48.

¹⁷ Русско-китайские отношения в XVII веке. С. 276.

Russko-kitaiskiye otnosheniya v XVII veke. P. 276.

¹⁸ Мясников В.С. Указ. соч. С. 477–478.

Myasnikov V.S. Op. cit. P. 477–478.